

THE MOTIVE OF *THINKING* IN E. BORATYNSKY'S POETRY: ON THE PROBLEM OF THE POET'S WORLDVIEW

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna^{1*}

Professor of Saint-Petersburg Agrarian University,

St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: July, 2024; date of acceptance: August, 2024)

Abstract

For the first time in the article, in the line of motivic analysis of Russian lyrics, the motive of thinking in Boratynsky's poetry is highlighted and investigated. It is thematically manifested in the lexemes "mind" and "thought", forming a special line in the poet's work – a kind of phenomenology of thought. In Pushkin and Lermontov's poetry this motive is found in fragments of poems, in some Boratynsky's poems thinking is the central object of poetic reflection. These poems receive a new interpretation in the article. It is shown that Boratynsky's thoughts are characterized by striving beyond the limits of rationality, beyond the earthly. At the same time, the tragic notes are due to the unattainability of the desired knowledge of the spiritual world – with an organic proximity to this area of being; this intention of the poet takes away its value from life, cooling the soul to everything earthly. The poet's doom to mental aspirations that are never fully achieved is the source of the pain of being. This is due not only to the spiritual originality of the poet's personality, but also to the general processes in the history of self-awareness reflected in Russian poetry.

Keywords: Motivic Analysis, Boratynsky's Poetry, Philosophical Lyrics, Motive of Thinking, Self-Awareness.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525> * Corresponding author

МОТИВ МЫШЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ Е. БОРАТЫНСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОЭТА

Кошемчук Татьяна Александровна^{1*}

Профессор, Санкт-Петербургский аграрный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: июль 2024 г.; дата принятия: август 2024 г.)

Аннотация

В статье впервые в русле мотивного анализа русской философской лирики исследуется мотив *мышления* на материале поэзии Боратынского. Этот мотив тематически проявлен в лексемах «ум», «мысль», «дума», образуя особую линию в творчестве поэта – своего рода лирическую *феноменологию мысли*. Если в поэзии Пушкина и Лермонтова мотив *мышления* звучит в фрагментах стихотворений, то у Боратынского *мышлению*, как объекту поэтической рефлексии, уделены ключевые произведения, получившие в статье новую интерпретацию. У Боратынского *мысли* не сводятся к рассудочности (в этом ключе обычно рассматриваются идеи поэта), но характеризуются прежде всего стремлением за пределы видимого, за *грань* земного. При этом трагические ноты стихотворений обусловлены недостижимостью желаемого познания духовного мира – при органической близости к этой области бытия; эта интенция отнимает у жизни ее ценность, охлаждая душу к земной жизни. Обреченность поэта на стремления *мысли*, никогда не достигаемые вполне, – источник боли бытия. Эта мыслительная ситуация связана и с духовным своеобразием личности поэта, и с общими процессами в истории самосознания, отраженного в русской поэзии.

Ключевые слова: мотивный анализ, поэзия Боратынского, философская лирика, мотив мышления, самосознание.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>

* Ответственный автор

Введение

Мотивные рассмотрения лирических стихотворений, выявляющие *своеобразие* духовной личности поэта, входят в задачи поэтологии. Важнейшие мотивы (Бог, мир, поэзия, духовный путь) при этом стоит дополнить еще одним, которому ранее не уделяли внимание исследователи. Он ранее не выделялся¹ – это мотив *мышления*². Лексемы «ум», «мысль», «дума» отражают в стихах поэтов их интенцию к осмыслению своего мышления, оно входит в круг созерцаемых феноменов, и в поле сознания поэта становится объектом поэтической рефлексии. Этот ракурс рассмотрения был означен мною в монографии 2006 года «Русская поэзия в контексте православной культуры»³, где была подробно проанализирована поэтическая онтология – концепция высшего мира (у каждого русского поэта есть своя ода «Бог», свои «богословские» стихотворения), также и такой аспект, как ее антропология, то есть понимание человека (как двойственности, во многом заданной державинским: «Я царь – я раб – я червь, я бог»), сюда входит и образ желаемого посмертия («обитель на небесах»), и духовный идеал поэта («мой ангел») и основное искушение жизни («мой демон»)⁴. Продолжая в русле мотивного анализа эти рассмотрения, можно добавить: иерархически

1. Введение в тему *мысли* дано в статье: Кошемчук Т.А. Лирическая феноменология мысли в русской поэзии XIX–XX веков // Культура и образование. 2024, № 1 (52). С. 105–118. Этот же мотив у других поэтов рассмотрен в статье: Кошемчук Т.А. «Мысль», «ум», «мышление» в стихотворениях Пушкина Лермонтова, Соловьева, Лосева // Соловьевские исследования. 2024, выпуск 2 (82). С. 92–105.

2. Здесь и далее курсив в основном тексте и в цитатах используется для выделения ключевых слов.

3. См.: Кошемчук Т.А. Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб.: Наука, 2006.

4. См.: Кошемчук Т.А. Русская литература в контексте православной культуры. СПб.: Наука, 2009.

устроенное целое лирической концепции поэта включает в себя и поэтическую феноменологию мысли – именно она и обозначена выше как мотив мышления.

Основная часть

Мотив мышления формируется в русской поэзии в начале XIX века, чему способствовало освоение немецкой философии на русской почве. Мысли о мысли в лирике Пушкина и Лермонтова, открывающие историю отмеченного мотива, звучали внутри иных тем, как фрагменты стихотворений; отдельные же произведения, посвященные мысли, появились именно у Боратынского. Имеются в виду не поэтические идеи вообще, а именно мысли о мышлении, отражающие стремление поэтов понять природу мысли, не затрагивается бытовое употребление слов «мыслить», «думать», «мысль», «дума» как открывающих то или иное мнение поэта, что свойственно любому поэту любой эпохи.

Лексему «рассудок» стоит рассмотреть в качестве вводной страницы в развитии мотива мышления, она связана с рационализмом XVIII столетия. «Рассудок» и противостоящие ему «страсти» стали объектом насмешки уже в ранних стихах Пушкина, как, например, в аллегорическом шутовском стихотворении «Рассудок и любовь» (1814), где в споре побеждает чувство. Тот же процесс преодоления рассудочных идей обнаруживается и у юного Тютчева, что отразилось в стихотворении «А.Н. Муравьеву» (1821):

Нет веры к вымыслам чудесным,

Рассудок всё опустошил...

Поэт-философ уже не высмеивает отживший способ мыслить, но анализирует, впервые в поэтическом тексте, это духовное явление, отмечая иссушающее воздействие рассудочного мышления на мир: рассудок «обнажил» все стихии мира, «до дна <...> иссушил» их жизнь.

Созвучно приведенным выше и стихотворение Боратынского, в основе которого – цитатно данная мысль философа рационализма. Подобные включения чужой философемы образует далее своего рода новую и яркую поэтическую линию, которую начинают почти одновременно стихотворения Пушкина¹ и Боратынского. Боратынский в фрагменте стихотворения («Мне с упоением заметным...», 1824) ссылается на философа-рационалиста Декарта и отрицает его рассудочную мысль (вслед за Вольтером).

Меж мудрецами был чудак:
«Я мыслю», пишет он, «итак,
Я несомненно существую».
Нет! любишь ты, и потому
Ты существуешь: я пойму
Скорее истину такую.

Боратынский противопоставляет свою мысль процитированной им фразе, утверждая любовь как важнейшую примету бытия.

Так сходные идеи, антирационалистические по сути, открывают историю мотива мышления у Пушкина, Тютчева и Боратынского. У Пушкина светлая мысль самосознающего разума торжествует свой триумф – ярче всего он выражен в стихотворении «Вакхическая песня» (1825). Поэт прославляет любовь, и далее мысль его обращается к иным ценностям – их гимническим утверждением кульминирует текст. И это творчество (музы), а далее: разум, ум, свет ума.

Да здравствуют музы, да здравствует разум!

1. Пушкин открывает названную линию в своей эпиграмме «Движение» (1925), где цитирует слова античного философа Зенона:

Другой
Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
смолчал и стал пред ним ходить...

<...>

...ложная мудрость мерцает и тлеет

Пред солнцем бессмертным ума.

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Лермонтов также утверждает мысль как важнейшее содержание жизни, пишет о своей способности пребывать в себе самом – в своей *мысли*, жить «...умом / В единой *мысли*... / ...чистой и прекрасной, / Как вольность, сильной и святой».

Мотив мышления предстает у Боратынского иначе – усложненное, острее, драматичнее. Он, поэт хотя и того же, пушкинского, направления, захватывает по времени жизни и следующую, еще только подступающую, более темную эпоху, с иным духовным опытом. У Боратынского угашается свет *прекрасной, светлой, солнечной, вольной, чистой, святой* мысли (таковы некоторые эпитеты *мысли* из целого их ряда у Пушкина и Лермонтова). Хотя ценность *мышления* для Боратынского, как и для Тютчева, была чрезвычайно велика. Боратынский всегда стремился к «*знанию бытия*» («Две доли, 1823), к постижению «*хладной мудрости* и высокой возможности» («Богдановичу», 1824), – и измерял свои жизненные пути ростом *мысли*: «Теперь важней мой ум, зреее *мысль* моя...» («Богдановичу», 1824). Но он долгое время воспринимался как поэт без цельного мировоззрения: «...как мыслитель, он лишён определённого, вполне и прочно сложившегося мирозерцания...», – так фиксирует эту господствующую тенденцию Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1891. 40). Лишь в эпоху символизма Боратынский стал оцениваться как «поэт-мыслитель» (хотя впервые так назвал поэта И. Киреевский), начиная со статьи С.А. Андреевского «Поэзия Баратынского» (1891), Н.Н. Стороженко «Поэт-мыслитель» (1895), и, главным образом, благодаря статьям В. Брюсова в 1890-ые годы. Позднее свой вклад в

формирование образа поэта-мыслителя внес и Ю. Айхенвальд в «Силуэтах русских писателей», назвавший поэзию Боратынского «лирикой мысли», поэта – «богатым мыслью» (Айхенвальд 1908. 215), а в Европе – Д. Святополк-Мирский, отметивший Боратынского как поэта, сумевшего «сделать из мыслей материал для поэзии» (Святополк-Мирский 2014. 174). Тем не менее описание *целостного мировоззрения* Боратынского, наличие которого в настоящее время не отрицается, еще является делом будущего, и его осуществление возможно лишь через глубокое и тщательное проникновение в идеи поэта. Рассмотрению ключевого мотива, ведущего в самое средоточие мирозерцания поэта, посвящена статья.

Стоит отметить периодизацию в развитии мировоззрения поэта, предложенную В. Брюсовым в статье «Мировоззрение Боратынского» (1898) и нуждающуюся в корректировке: «Развитие Боратынского – это история развития нашего общества, только Боратынский быстрее прошел все ступени. Вспомним же, что этими ступенями были: сначала беспечный эпикуреец, или деланная разочарованность, потом рассудочное миропонимание с тяготением к буддизму и, наконец, покаянное возвращение к вере» (Брюсов 1975. 42). На втором этапе (центральном в рассмотрении Брюсова) критик подчеркивает у Боратынского тему «мучительности всяких душевных волнений» (Брюсов 1975. 36), вообще личного бытия и спасительность «мертвящего хлада», охлаждения души; Брюсов отмечает попытки поэта порвать со своей рассудочностью – «мучительное брожение», «порыв к чему-то иному», даже к «иному пути к познанию», «какому-то особому бытию, где "с безумием граничит разумень"» (Брюсов 1975. 37). Но, как утверждает критик, шел Боратынский все же к «отречению от всего сверхчувственного», к ограничению мира земной жизнью – и в этом Брюсов усматривает вечное противоречие рассудка и души: душа поэта искала «удовлетворения всем тайным запросам», «вечной истины и бессмертия своего "я"», но рассудок

отрицал все это. И потому на определенном этапе поэт, «рассудочный мечтатель, поклонник разума», «разочаровался в мысли, он возненавидел ее» (Брюсов 1975. 38). Далее придется проверить некоторые из этих соображений Брюсова, которые во многом отражаются и в позднейших исследованиях.

Мысли о *мышлении* высказаны поэтом наиболее полно в двух известных стихотворениях. В стихотворении «О мысль, тебе удел цветка...» (1832) воплощена идея плодотворности мысли в ее истории, несмотря на видимую хрупкость и недолговечность ее цветения. Мысль, подобно свежему цветку, привлекает к себе общее внимание в простой образной аналогии стихотворения: мысль – цветок. Но когда цветок (мысль) «чередой своей» блекнет, то уделом становится забвение: «никому в нем нужды нет». И здесь происходит поворот к светлому итогу-кульминации: «А тут зерном своим падучим // Он зарождает новый цвет» – угасшая мысль невидимо рождает новое цветение смысла, и это происходит иррационально и непредсказуемо, вопреки видимости и рассудку: на фоне полного равнодушия к увядшей мысли и даже ее профанации она вдруг возрождается, дает всходы, *новый цвет*. Близкая мысль о *мысли*, но в другой поэтический миг согласная с рассудком и потому иронически интонированная, выражена в созвучном стихотворении «Сначала мысль, воплощена...» (1838), тоже построенном на развернутом сравнении – мысли с *девой юной, речист ой искушенной женой, болг уньей ст арой и крикливой*. Таковы три стадии в жизни мысли – от невидимости *для свет а* (рождения ее) и до итога (профанации), когда она, банальная, вовсе не порождающая новое *цвет ение*, есть объект насмешки:

...плодит в полемике журнальной

Давно уж ведомое всем.

В стихотворении «Все мысль, да мысль!...» (1840) тема предстает в ином ракурсе, в нем выражено более острое и сложное наблюдение – о силе и

разящей остроте *мысли* в искусстве слова, которому служит *бедный художник* и *жрец* ее: перед ним всегда и неотступно именно *мысли* – о человеке, о свете, о смерти, о жизни и о правде; он, поэт, обречен на *мысли*. Другие искусства: «резец, орган, кисть» – влекут к себе своим чувственным началом, *не ступая* за грань воспринимаемого, и дарят земное же упоение жизнью – «хмель на празднике мирском». Счастлив, – утверждает поэт, – тот, кто *влеком* к этим *чувственным* искусствам! Сам же он не из их числа. И не только идея стихотворения, но и его ритмические повторы: *всё тут, да тут, всё мысль, да мысль...* – укрепляют это ощущение обреченности на *мысль*, невозможности забвения, ибо *мысль* неизбежно влечет за *грань чувственного*. ...*Перед тобой*, – говорит поэт, обращаясь к *мысли*¹: «...как пред нагим мечом // Мысль, острый луч! Бледнеет жизнь земная». Это стихотворение обычно интерпретируется как утверждение рассудочности или, наоборот, отказ от нее². Тогда как здесь прочитывается иное, идея поэта сложнее и тоньше, и, говоря об этом программном стихотворении, важно подчеркнуть: речь идет о *мысли*, неизбежно влекущей за *грань* земного. Эта мысль есть сила острая и холодная, даже убийственная для *земной жизни*, как *нагой меч*, неотразимая, как *луч*, обесценивающая именно всё *земное* – это расплата за интенцию мысли к сверхчувственному. Такой обрисована поэтом мысль, которая, стремясь к высшему в его эпоху, в наступающую эпоху *сумерек духа*, не могла найти ключей к живой духовности мира земного, не могла обрести и знания духа. В итоге: земное не нужно, а духовное не обретено – так можно обозначить драму

1. С.Г. Бочаров точно отметил, говоря об этом стихотворении, что в нем ведущая тема – мысль и поэзия, что мысль можно назвать *героиней* поэзии Баратынского 30-х годов (Бочаров 1985).

2. Вот характерный пример из новейшего исследования: в стихотворении отражены «колебания и опасения связанные с вытеснением чувства мыслью, с рационализацией поэзии...» (Пигалев 2023. 20).

познания в мыслительной ситуации Боратынского. В ней мы можем усмотреть многое, но не ненависть к мысли, не рассудочность (как у Брюсова).

Да, *мысль холодна* и противостоит живым переживаниям бытия (этот аспект очевиден, его отмечают многие исследователи), и порой поэт ищет *отдохновения* от мысли. С этим мотивом связан ряд несложных идей, легко находимых у Боратынского. Так, поэт обретает временное освобождение от *мысли* в переживании природной красоты. Добавим: например, в стихотворении «Весна, весна! Как воздух чист...» (1835), в «здравном гимне весне» поэт отмечает воздействие «пира» природы: «Что нужды! счастлив, кто на нем // *Забвенья мысли* пьет, // Кого далеко от нее // Он, дивный, унесет!» Лишь непосредственное созерцание красоты мира может «унести» далеко от *мысли* душу человека, но когда поэт говорит о счастье того, кто может пережить «забвенья мысли», эту возможность он, опять же, не относит к себе, так что в подтексте звучит: но я не знаю этого счастья.

В этот же круг идей входят размышления поэта о негативных воздействиях мыслей на земные судьбы, как, например, в стихотворении «Приметы» (1839): жизнь природы была «нечуждой» человеку, но

...чувство презрев, он доверил уму,
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему
И нет на земле прорицаний.

Здесь, действительно, не что иное, как противостояние ума и чувства и обедняющее жизнь торжество ума, но не в подобных идеях истинное своеобразие Боратынского.

тютчевскому противопоставлению *дня и ночи*: ясного дня и *осирот елой мысли* в ночи – без *опоры*, наедине с неразгаданным миром. Боратынский вскрывает своеобразие *мыслей* поэта, сопоставляя их с привычным для толпы страхом

ночи, «волшебной тьмы», волшебной и желанной – для мысли поэта, не для толпы, а боится поэт как раз «видений дня», «людских сует, забот юдольных». Мысль его не боится *мрака*, стихии ночи, и к этому он призывает человека толпы – к освобождающему познанию: «*Ощулай* возмущенный мрак: // Исчезнет, с пустотой сольется // Тебя пугающий призрак». Поэт же, «сын Фантазии», «благодатных Фей // Счастливый баловень», не чужд «заочного мира», который *за очами, очам* невидим, – и там, в невидимом человеку толпы, поэт – «веселый семьянин, // привычный гость на пире // Неосязаемых властей», *гост ь* сверхчувственных, духовных сущностей. И сложность в его жизни не высший *пир* (в нем он *свой*), но «забота земная», перед ней, мнимой, нужно выстоять:

Коснися облака нетрепетной рукою,
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.

Внешнее, как и облако, легко отстранить (лишь *коснувшись* помехи) – и сверхчувственный мир, *обит ель* духов, *от кроет* свои *врата*. Как мы видим, интенция поэта именно высший мир, никакого «отречения от сверхчувственного», усмотренного Брюсовым, его мысль не знает. Ровно наоборот, отрывается он с легкостью от *забот ы земной*. Да, в других стихах это отречение связано с горечью. Но поразительна уверенность, с которой пишет поэт о своем средстве с «обителью духов». Эти сферы открываются поэту в *видениях*... Но *видения* поэта – иная тема, которая потребует отдельных проникновений и отдельной статьи. Отмечу только еще раз несомненную уверенность поэта в этих видениях: «...он видит свет, другим не откровенный», описывает «виденье», «представшее очам»: «...предо мной тогда // Раскрылися грядущие года» («Последняя смерть», 1827). Не случайно Ю. Терапиано утверждает наличие духовного опыта у

Боратынского, мистического дара в связи с его масонскими интересами (Терапиано 1953).

В. Брюсов писал: «...у Баратынского нет ни демонов, ни ангелов, ни духов, – ничего, кроме признанного за возможное его трезвым умом» (Брюсов 1975. 38). Так ли это? Поэт ставил задачей двойное познание, и не земного мира, но мира духа в его полярности: «Две области – сияния и тьмы // Исследовать равно стремимся мы» («Благословен святое возвестивший!..», 1839). Поэт не только утверждал свою близость к миру «духов», «неосязаемых властей», к миру «сияния», но обращался мыслью также и к миру «тьмы», туда также устремлена его мысль – в стихотворении, начинающееся с вопроса: «Когда исчезнет омраченье // Души болезненной моей?» (18.) Это *омрачение* связано с состоянием *ума*:

Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня...

Демоническим *чадным* воздействием объясняет поэт омертвление *ума*, закрывающее искомое познание, возможность созерцать «...луч блестящий // Всеозаряющего дня», способность поднять «крылья духа», вернуть «воображение» и «вдохновенье», «сны поэзии святой». Но – в этом стихотворении и в этот миг бытия поэта – надежда кажется тщетной, демоническая сила – неодолимой:

...легкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.

Таково губительное демоническое воздействие на *мысли*, делающее *думу* бескрылой, мертвящей и дар творчества, и саму жизнь поэта.

Та же трагическая нота звучит в описании воздействия мысли на жизнь в стихотворении «Осень» (1837). Здесь поэтом вскрывается привычный символический подтекст: осень жизни, подведение итогов, безрадостное время в жизни поэта, в отличие от крестьянских летних трудов и осенних плодов. Здесь в картине жизни явлен и мотив охлаждения сердца под влиянием ума («...ум бесполезный сердца трепет // Угомонит...»), и мотив холода («...дар опыта, мертвящий душу хлад»). Но обновление жизни в ином бытии – упование поэта, оно – «цветущий брег за мглою черной»: отметим здесь непреодолимость этой полосы, «черной мглы», между жизнью земной и духовным миром. Лишь в посмертии будет возможность примирения «бытия мятежных голосов» и *понимания* высшего «промысла», приятие его. Ведь в высший мир можно войти не только со *смиреньем* и *надеждой*, но и с «утоленным *разуменьем*»: поэт мысли, ума, сознания ожидает от перехода в жизнь иную именно того понимания, «разумения», которое было неутолимо в земном бытии. Но своего знания о жизни – «своей науки» не передать никому: она «...нам на земле не для земли дана». В итоге стихотворения звучит мотив невыразимости мысли (который явится и в тютчевских стихах):

Но не найдёт отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешёл.

Невозможно другому, по Боратынскому, в уточнение тютчевской максимы, передать именно ту мысль, что выше земного, и здесь звучит и тютчевское же сравнение мысли и звезды: так же невозможно земной мысли понять рождение или ущерб звезды. Итоговое отчаяние таится в образе наступившей зимы: в отличие от той же крестьянской жизни, которая во всем стихотворении была образной параллелью для раздумий поэта о себе: «...тебе грядущей жатвы нет!»

Нужно отметить и еще одно, тонкое и таинственное наблюдение над мыслью – Лермонтов описал это особенное состояние ума: «...усыпленье дум;

// Меж радостью и горем полусвет...». Подобное пытался передать и Боратынский в стихотворении «Последняя смерть»: Боратынский описывает свое видение, и задает вопрос: было ли оно созданием «болезненной мечты» или «дерзкого ума соображеньем». И в этой антиномии отмечает промежуточность переживания, при полноте *сознания* («понять»), – между *безумием* и *разумьем*, между *сном* и *бденье*м:

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит *разумье*.

Из этого состояния сознания, из *полноты* сознания рождается *видение*: поэт видит всё грядущее бытие земли в ряде картин. А. Белый описавший в русской поэзии «заострение самосознающего "я"» (Белый 2020. 104), цитирует эти строки, подчеркивая «"полнот у сознания..." в темном дне бессознания» как глубокий опыт самосознания, которое «простирается в сонную сферу ночи» (Белый 2020. 119). В «чувстве охлады души» (Белый 2020.197) и в погружении души в бессознание А. Белый видит глубокий симптом: переживаемое поэтом, в опережение сроков, отражает «роковой момент выхода» «Я» из душевных слоев в подсознательные сферы, в астральный мир; по А. Белому, поэзия Боратынского отразила предкризисный момент в «истории самосознания» (Белый 2020. 200). Так в рамках только одной темы мы видим, что характеристика Боратынского как *поэта* и *мысли* или, по А. Белому, *поэта* и *самосознания* в полной мере верна. Именно потому, что Боратынский размышлял о сущности *мысли*, *познания*, о природе *мышления*, о его воздействии на жизнь и на человека, о его возможностях, явных и таинственных, потому, что самосознание было его глубинной интенцией в эпоху наступающей бездуховности.

Заключение.

Итак, у Боратынского, поэта, которому в удел досталась вторая треть XIX века, в багаже не только цветение мысли (в общеевропейском расцвете философии в конце XVIII и начале XIX веков), но и новый, трагический опыт вступления в зону материализма с его бескрылым мышлением. В стихах Боратынского *мысли* осознаются как стремление за пределы трезвой философии и рассудочности, *за грань* земного. Трагизм, звучащий в мотиве *мышления* у поэта, связан с тем, что все его мыслительные устремления к бытию сверхчувственному (двойному: светлому и темному), отдельные ослепительные проникновения в него (видения), при ощущении своей органической близости к светлым силам высшего мира, не могут тем не менее быть достоянием прочным, они утрачиваются, их не вернуть. Лучшие мыслительные постижения непередаваемы, они обрекают поэта на одиночество; они отняли у земного мира ценность, невозвратно охладили душу ко всему житейскому. Но удержать их невозможно – и жизнь обречена на пустоту, а мысль – таково воздействие темных сил – на бесплодность. Неприятие земных тревог и устремленность в сферу мышления и познания – и при этом неодолимые помехи в *мысли*, холод в жизни; невозможность жизни без постижения высшего – и недостижимость желаемой обители духов; обреченность жить в круге мыслительных стремлений, никогда не достигаемых вполне, рождает общее переживание боли жизни и коренится не только в личном своеобразии поэта, но и в общих процессах в истории самосознания. А. Белый в «Истории становления самосознающей души» описывает эту ситуацию так: мысль утратила свое единство с миром высшим, стала призрачной и тенеподобной, не способной вырваться к духовным сферам бытия. Это А. Белый комментировал в русле сказанного Р. Штейнером о борьбе сил света и тьмы как «подосновах событий» на земле (см.: Штайнер 2008, 280–303). Отсюда рост сил материализма есть явление, отражающее этот

объективный духовный процесс. Как писал А. Белый, именно в это время, во второй трети века, которой лишь коснулись Пушкин и Лермонтов, но в которую оказался, в опережение сроков, глубже и провидчески погружен Боратынский, наступает кульминация в материализме, в отрыве от духовных оснований мира. Помрачение земное связывается с новым наступлением сверхчувственного зла, подчиняющего себе духовные процессы на земле. И человеческие мысли не захватывали более сущностных основ мира, не могли достигать духовных реальностей, не проникали сквозь покрывший землю туман к сияющим сферам духа, что остро переживал Боратынский, так что в этой оторванности не оставалось более надежд на страстно желаемое познание, на *грядущую жатву*. Мысли представляли перед их чуткими носителями как пустые и холодные – чтобы лишь у поэтов Серебряного века, в период зорь, символистски понятых сияний нового, XX века начать новый период взлета – предваряемый расцветом русской философской мысли. В этом и заключается своеобразие мыслительной ситуации, в которой жил Боратынский и которая отразилась в его мотиве *мышления*.

Литература

- 1- Айхенвальд Ю.И. (1908). *Силуэт ы русских писат елей*. Выпуск 1. М.: Научное слово. С. 214–231.
- 2- Андрей Белый. (2020). *Ист ория ст ановления самосознающей души*. Книга вторая. М.: ИМЛИ РАН. 800 с.
- 3- Бочаров С.Г. (1985). «Обречен борьбе верховной...» (Лирический мир Баратынского) // Бочаров С.Г. О художественных мирах: Сервантес, Пушкин, Баратынский, Гоголь, Достоевский Толстой, Поатонов. М.: Советская Россия. С. 69–123.
- 4- Брюсов В.Я. (1975). *Мировоззрение Барат ынского* // Брюсов В.Я. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Художественная литература. С. 35–42.
- 5- Манн Ю. (1994). *Необходимост ь Барат ынского* // Вопросы литературы. 1994. Вып. 1. С. 135–164.

- 6- Пигалев А.И. (2023). *Примирение философии с поэзией в немецком и русском романе* // Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию со дня рождения Е.А. Боратынского. СПб.: Нестор-История. С. 13–20.
- 7- Святополк-Мирский Д. (2014). *История русской литературы с древнейших времен по 1925 год*. Новосибирск: Свиньин и сыновья. 876 с.
- 8- Сарычев Я.В. (2023). *Основания модернистских интерпретаций феномена Е.А. Боратынского* // Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию со дня рождения Е.А. Боратынского. СПб.: Нестор-История. С. 124–132.
- 9- Терапиано Ю.К. (1953). *Духовный опыт Е.А. Боратынского* // Терапиано Ю.К. Встречи. Нью-Йорк, изд-во им. Чехова. С. 172–178.
- 10- Штайнер Р. (2008). *Низвержение духовных смыслов. Духовные подосновы внешнего мира*. Ереван: Лонгин. 336 с.

Bibliography

- 1- Aikhenval'd Iu.I. (1908). *Siluety russkikh pisatelei*. Vypusk 1. M.: Nauchnoe slovo. S. 214–231.
- 2- Andrei Belyi. (2020). *Istoriia stanovleniia samosoznaiushchei dushi*. Kniga vtoraia. M.: IMLI RAN. 800 s.
- 3- Bocharov S.G. (1985). «*Obrechen bor'be verkhovnoi...*» (Liricheskii mir Baratynskogo) // Bocharov S.G. O khudozhestvennykh mirakh: Servantes, Pushkin, Baratynskii, Gogol', Dostoevskii Tolstoi, Poatonov. M.: Sovetskaia Rossiia. S. 69–123.
- 4- Briusov V.Ia. (1975). *Mirovozzrenie Baratynskogo* // Briusov V.Ia. Sobranie sochinenii. T. 6. M.: Khudozhestvennaia literatura. S. 35–42.
- 5- Mann Iu. (1994). *Neobkhodimost' Baratynskogo* // Voprosy literatury. 1994. Vyp. 1. S. 135–164.
- 6- Pigalev A.I. (2023). *Primirenie filosofii s poeziei v nemetskom i russkom romantizme* // Poeziia mysli: ot romantizma k sovremennosti. K 220-letiiu so dnia rozhdeniia E.A. Boratynskogo. SPb.: Nestor-Istoriia. S. 13–20.
- 7- Sviatopolk-Mirskii D. (2014). *Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god*. Novosibirsk: Svin'in i synov'ia. 876 s.
- 8- Sarychev Ia.V. (2023). *Osnovaniia modernistskikh interpretatsii fenomena E.A. Boratynskogo* // Poeziia mysli: ot romantizma k sovremennosti. K 220-letiiu so dnia rozhdeniia E.A. Boratynskogo. SPb.: Nestor-Istoriia. S. 124–132.
- 9- Terapiano Iu.K. (1953). *Dukhovnyi opyt E.A. Boratynskogo* // Terapiano Iu.K. Vstrechi. N'iu-Iork, izd-vo im. Chekhova. S. 172–178.

- 10- Shtainer R. (2008). *Nizverzhenie dukhov t'my. Dukhovnye podosnovy vneshnego mira*. Erevan: Longin. 336 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna (2024). THE MOTIVE OF THINKING IN E. BORATYNSKY'S POETRY: ON THE PROBLEM OF THE POET'S WORLDVIEW. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12 (2), 11-29.

DOI: 10.61186/iarll.24.1

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/327>

بن‌مایه تفکر در شعر ای. باراتینسکی: دربارهٔ مسألهٔ جهان‌بینی شاعر

تاتیانا الکساندراونا کاشمچوک^{*1}

استاد دانشگاه کشاورزی سن‌پیتربورگ،

سن‌پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه 2024، تاریخ پذیرش: اوت 2024)

چکیده

در مقاله، برای نخستین‌بار در راستای تحلیل موضوعی اشعار فلسفی روسی، بن‌مایهٔ «تفکر» بر اساس اشعار باراتینسکی بررسی شده است. این بن‌مایه از نظر محوری در واژگان «عقل»، «تفکر»، و «اندیشه» تجلی می‌یابد و خط خاصی را - نوعی پدیدارشناسی غنایی تفکر - در آثار شاعر تشکیل می‌دهد. اگر بن‌مایهٔ «تفکر» در قطعاتی از اشعار پوشکین و لرمانتف طنین‌انداز می‌شود، آثار کلیدی باراتینسکی که در این مقاله، تفسیر جدیدی از آنها ارائه شده است، به «تفکر»، به مثابه یک واکنش شاعرانه اختصاص دارد. «تفکر» در نزد باراتینسکی به عقلانیت تقلیل نمی‌یابد (عقاید شاعر معمولاً در این راستا مورد توجه قرار می‌گیرند)، بلکه در درجهٔ اول، با تمایلی فراتر از مرزهای محسوس، فراتر از مرزهای زمینی تعریف می‌شوند. در عین حال، عناصر تراژیک اشعار، مشروط به دست‌نیافتنی بودن شناخت مطلوب از عالم معنوی - با وجود مجاورت طبیعی به این حوزه از وجود هستند؛ این مفهوم، ارزش زندگی را از بین می‌برد و روح را به سمت زندگی زمینی تضعیف می‌کند. محکوم کردن شاعر به آرمان‌های فکری که هرگز به صورت کامل به دست نمی‌آیند، سرچشمهٔ درد هستی است. این وضعیت ذهنی، هم با اصالت معنوی شخصیت شاعر، و هم با فرآیندهای کلی در تاریخ خودشناسی که در شعر روسی منعکس شده‌اند، مرتبط است.

واژگان کلیدی: تحلیل موضوعی، شعر باراتینسکی، شعر فلسفی، بن‌مایهٔ تفکر، خودشناسی.

* نویسنده مسئول
1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>

نوع مقاله: علمی - پژوهشی